

Summary

The aim of this monograph is to propose a series of interpretations of medieval texts, which by means of literature devices construct the image of the beginnings of the Hungarian, Czech and partially-Polish states. We would like to analyze these texts and reinterpret them in a new context, one of a so-called three-functional Indo-European ideology, as it has been elaborated within a school of new comparative Indo-European Mythology initiated by G. Dumézil. We suppose that at the moment of the texts' formation, besides the invention of medieval authors and inter-textual repetition, and biblical and antique story modification, a process of "pouring" pieces from the common archaic Indo-European mythological fund into literature took place. The myth transformation, in the process of which archaic mythological material was re-made into epic pieces like annals, chronicles, eposes, and legends, is the focus of our attention. Through the level of half-mythological literary characters, that is the actors of medieval epics, we made an attempt to create a hypothetic reconstruction of a higher level, that is of actants (deities of Slavic pagan pantheon); first of all, those who could have been responsible for the first function of religious sovereignty and hence, the passing of what some researchers may call 'oral literature'. Thus, we researched the validity of Dumezil's hypothesis about an Indo-European functional, social, religious and literary triplet scheme in literary material of the Medieval Slavic peoples and those under their influence (old Hungarians). With our research we would like to raise the question in interdisciplinary discussion of whether it is possible to apply Dumezil's discovery of the Indo-European functional triplet scheme onto the Slavic people. The widely understood Middle-European mythological and literary sphere, as well as the still wider sphere of Middle-East "Slavic" Europe, was the subject of our research. In the sphere of "Slavic" Europe we were searching for the fragments of stories with an obvious three-functional structure. Diachronically, this phenomenon can be traced on a line of the Great Moravian Empire and its cultural heirs, i.e. medieval states: Czech (Přemysl), Hungarian (Arpad), and Polish (Piast).

As a result of long-term efforts of researchers of a number of specialties within the Humanities, the arsenal of applied methods was created, as well as was identified a cultural and historical topic, of which a monopoly can still be claimed by many Humanity disciplines (in the Czech and Slovak Humanities it is, for example, archeology). Along with these disciplines, the same interest can claim multidisciplinary or post-disciplinary „archeology of literary communication“ as a special part of Literature Studies, in-formed by ethnology, anthropology, religionistics, and archeology oriented on an orally passed-down „literature“ (or on what is left of it after many transformation and amnesias). In effect, mnemotechnical reasons poetically shaped mythological wisdom (if we are willing to lend such a kind attribute as „wisdom“ to pagan Slavs), wisdom accumulated in a living memory and periodically refreshed by the authorized specialists within the framework of rituals and holidays. We attempted to find its fragments and relics in medieval literary texts, folk creations, and in myth-motivated toponimy.

Chapter I „Methodological Sources“ (*Metodologické východiská*) deals with the main methodological inspirations. In the question of fragment identification and reconstruction of old mythology in medieval texts (for example, in folklore), the scientific society can, with certain simplification, be divided into two groups: skeptics who consider mythological heritage lost forever and optimists who, on the basis of different theoretical sources, produce reconstruction, search for old story fragments in medieval texts, discover and comment on them, archive them, etc. Since we are among the optimists, it is extremely necessary to support our optimism with a presentation of the approaches and means we will use. Among those we used most often are: abduction as a logical approach to generalize hypotheses, the theory of memos as a model of spreading mythological and biblical stories, and an

intertextuality theory which enables us to shift attention from the author of the text to a „deep abyss“ of pre-texts. It is also necessary to mention an interpretation paradigm in the sciences of culture, Culture Studies, „archeology of literary communication“ of Jan and Adelaida Assmann and the creative hermeneutic of Mirce Eliade.

Chapter II “Virgins’ Battle” as a Metaphor of Indo-European War Function” (*,Dívčí válka“ ako metafora indoeurópskej vojny funkcií*) presents an attempt to re-write a family tree of an old story preserved in Czech Medieval chronicles. We believe that, in this “deep abyss” of Indo-European pre-texts, we have found its direct ancestors and large kinship. Seeing through this “deep abyss” is today made possible due to the research of G. Dumézil, the first to discover a common scheme often separated by time and distance stories, making obvious the appearance of a „self-contained society“, which belonged to the intellectual facilities of Old Indo-Europeans.

Chapter III “Archaic Poets and Priests” (*Archaickí poeti a žreci*) gives a sketch of a memory specialist, an archaic pagan poet, whose functional competence in the Middle Ages has been taken by the church. The chapter formulates the answer to a question “Who were medieval actors („igric“), and what place did they occupy in a conceptual framework (secondary modeling system) of three-functional ideology?” The theme of actors („igric“) is represented as one of the central and perspective topics which can also be surveyed by archeology of literary communication, studying the history of the text before a literary epoch.

Chapter IV „Mythomotorics of Old Stories and Pagan Repetitions“ (*Mýtomotorika starých príbehov a pohanské recidivy*) presents medieval pagan rebellions among medieval Slavs as proof of the existence of myths, its expansion, vitality and unwillingness to die.

Chapter V „Two Faces of Indo-European Religious Sovereignty“ (*Dve tváre indoeurópskej náboženskej zvrchovanosti*) makes an attempt to show the two faces of Indo-European religious sovereignty, magical and legal, and to find its probable guarantors in the Slavic pagan pantheon and in Slavic heroic and religious epics and folklore.

Chapter VI “Arpad the Conqueror and Holy King Stefan as a Complementary Mythological Function of Religious Sovereignty” (*Dobyvateľ Arpád a svätý kráľ Štefan ako komplementárne mytológemy funkcie náboženskej suverenity*) is built on the presumption that in the process of “saving” this pair in memory of medieval Hungary (chronicles and legends) there was prominent assistance of myth. We try to prove that it was myth that was bound to both (magical and legal) aspects of the first function of Indo-European religious sovereignty. Its presence in epics of such a mixed, hybridized, and “kreolized” cultural phenomenon as Medieval Hungary can be explained most convincingly through Slavic mediation.

In our work we have made an attempt to extract the fragments of some stories from the medieval texts, compare them with other stories, which were previously systematized New Comparative Mythology of G. Dumézil and his followers, state analogies and formulate hypotheses, which these analogies could properly explain. Our attention was also drawn to the pantheon of Old Slavs in wider Indo-European contexts, because the three-functional structure evident in some texts was stabilized to a great extent with the help of this pantheon. Similar to other Indo-European traditions in this pantheon, it could have found the highest and most precise embodiment and its central „settlement“, from which it could spread to other, less „anachronic“ spheres of life.

Inspired by this kind of thinking, we had to consider the possibility of opening the door to a “big genre” of literary history to archaic Europeans, also to Old Slavs, how to place them in the history of literature. Because of this, we aimed at establishing a separate sphere inside the literary history for further research and a topical perspective which can possibly be called “archeology of literary communication”. Within this sphere, myth is proto-literature and literature is a child of myth. What we tried to let into this “big genre” of literature history by means of intertextuality was not a certain author and his/her text. It was an impersonal

structure (three-functional Indo-European ideology) recognized in old stories' fragments, used as a raw material for a conceptual creation of medieval eposes, legends, and chronicles.

Резюме

Исследование представляет собой ряд попыток интерпретации средневековых текстов, которые конструируют образ начала венгерского, чешского и частично польского государств. Мы обратились к этим текстам с последующей ре-интерпретацией их в новом контексте – трифункциональная индоевропейская идеология в понимании школы новой сравнительной индоевропейской мифологии инициированной Г. Думезилом. Предполагаем, что при возникновении этих текстов, кроме вымысла средневековых авторов, интертекстуальных повторов и трансформации библейских и античных историй, имел место и процесс «вливания» общего архаического индоевропейского мифологического фонда в литературу. Предметом нашего внимания является процесс трансформации мифа, благодаря которому архаичный мифологический материал был переработан в эпическую форму анналов, хроник, эпосов, легенд. В рамках исследования мы сделали попытку через уровень полумифологических литературных персонажей – действующих лиц (*aktérov*) средневековой эпики – гипотетически реконструировать высший уровень – уровень божеств славянского языческого пантеона (*aktantov*), в первую очередь, тех, в компетенции которых была первая функция – функция религиозной суверенности, а также передача того, что можно назвать устной литературой. Таким образом, мы хотели проверить возможности гипотезы Г. Думезила о индоевропейской функциональной, социальной, религиозной, а также литературной тридельности на славянском средневековом литературном материале, а также на материале народов, которые находились под культурным влиянием славян – древних венгров. Работа является вкладом в интердисциплинарную дискуссию по проблеме: можно ли на славянские народы переносить теорию индоевропейского функционального триделения Г. Думезила. Предметом нашего исследования является, прежде всего, широко понимаемый среднеевропейский мифологический и литературный контекст, а также более широкий контекст средневосточной славянской Европы, в котором мы искали фрагменты историй с ярко выраженной трифункциональной структурой. Диахронически это контекст можно приблизительно определить следующим образом: Империя Великой Моравы и наследники ее культуры – средневековые чешское (*rětmyslovský*/пражмислское), венгерское (*arpádovský*/арпадское) и польское (*piastovský*/пъястское) государства.

Многолетние исследования большинства гуманитарных дисциплин выработали тот арсенал методик, которые можно продуктивно использовать при изучении культурно-исторической темы, на (монопольное) изучение которой претендует большинство гуманитарных дисциплин (в чешском и словацком контексте это, например, археология). На наш взгляд, на изучение этой темы могла бы претендовать также мультидисциплинарная или постдисциплинарная «археология литературной коммуникации» как специальная часть литературоведения, «кин-формированная»

этнологией, антропологией, религионистикой и археологией, ориентированная на устную «литературу» (точнее на то, что после нее остается после многих трансформаций и опущений), то есть на мнемотически и поэтически сформированную мифологическую мудрость (если мы хотим такой симпатичный атрибут как мудрость одолжить славянам-язычникам), когда-то аккумулированную в живой памяти и периодически оживляемую соответствующими специалистами в виде ритуалов и праздников. Ее фрагменты и реликты мы искали в средневековых литературных памятках, фольклорных формах, а также в мифологически мотивированной топонимии.

В первом разделе «Методологические основы» (*Metodologické východiská*) речь идет о главных методологических источниках. По вопросу возможной идентификации и реконструкции фрагментов древней мифологии в средневековых текстах (в народном творчестве) ученых условно можно разделить на скептиков, которые мифическое наследие считают утраченным навсегда и безвозвратно, и оптимистов, которые на основании различных теорий занимаются реконструкцией, ищут в средневековых текстах фрагменты древних историй, комментируют и каталогизируют их. Поскольку мы принимаем позицию оптимистов, необходимо этот оптимизм поддержать презентацией соответствующих методов и приемов, которые обещают, что наш «поход» в мир текстов принесет результаты – гипотезы предложенные на фальсификацию. Среди тех, которые мы использовали надо упомянуть о абдукции как логическом движении, служащим для генерирования гипотез, о теории мемов как надежной модели распространения мифологических и литературных историй, а также о теории интертекстуальности, которая делает возможным перенесение внимания от автора текста к «бездонной пропасти» предтекстов. Необходимо также сказать о интерпретационной парадигме в науках о культуре, культурных студиях, о «археологии литературной коммуникации» Яна и Аделаиды Ассманн, а также о креативной герменевтике Мирче Елиаде.

Второй раздел ««девичья война» как метафора индоевропейской войны функций» (*„Divčí válka“ ako metafora indoeurópskej vojny funkcií*) – это попытка нового прочтения генеалогического дерева древней истории, содержащейся в чешских средневековых хрониках. Надеемся, что в «бездонной пропасти» индоевропейских предтекстов мы смогли увидеть его непосредственных предков и многих родственников. Посмотреть в эту «пропасть» стало возможным благодаря исследованиям Г.Думезила, который первый открыл в большинстве историй, временно и пространственно отдаленных, общую схему, объясняющую возникновение «уцелевшего общества», которое принадлежит уже интеллектуальному инструментарию древних индоевропейцев.

Раздел «Архаические поэты и жрецы» (*Archaickí poeti a žreci*) представляет образ хранителя памяти, архаического языческого поэта, функциональные компетенции которого в Средневековье взяла на себя церковь. Здесь формулируется

альтернативный ответ на вопрос: кем были и какое место занимали средневековые «игры» (скоморохи) в концептуальных рамках (секундарной моделирующей системе) трифункциональной идеологии? Эту тему мы считаем одной из центральных и перспективных для археологии литературной коммуникации при исследовании истории текста долилитературной эпохи.

Раздел «Мифомотирика древней историй и языческие рецидивы» (*Mýtomotorika starých píbehov a pohanské recidívy*) представляет средневековые языческие восстания у славян эпохи Средневековья как доказательство существования мифа, его распространения, его витальности и нежелания умирать.

Раздел «Два лица индоевропейской религиозной суверенности» (*Dve tváre indoeurópskej náboženskej zvrchovanosti*) показывает два лица индоевропейской религиозной суверенности – магическую и законную, и указывает на ее правдоподобных гарантов в языческом пантеоне славян и славянской героической, религиозной эпике и фольклоре.

Раздел «Завоеватель Арпад и святой король Штефан как комплементарные мифологемы религиозной независимости» (*Dobyvateľ Árpád a svätý kráľ Štefan ako komplementárne mytologém funkcie náboženskej suverenity*) базируется на предположении, что «вхождению» этой двоицы в культурную память средневековой Венгрии (хроники и легенды) существенно способствовал миф. Мы стараемся доказать, что это был миф, связанный с двумя составляющими (магической и законной) первой функции индоевропейской суверенности. Его присутствие в эпике настолько смешанного, гибридного и «креолизированного» культурного феномена, каким была средневековая Венгрия, можно наиболее убедительно проследить через славянский контекст.

В нашей работе мы сделали попытку выбрать из средневековых текстов фрагменты некоторых историй, сравнить их с другими историями, которые уже были более внимательно рассмотрены новой сравнительной мифологией Г. Думезила и его школой, определить аналогии и сформулировать гипотезы, которые бы эти аналогии объяснили. Наше внимание было обращено также и на пантеон древних славян в более широких взаимосвязях потому, что трифункциональная структура, просвечивающая в некоторых текстах, была с большой степенью правдоподобности стабилизирована с помощью этого пантеона; как и в других индоевропейских традициях, в нем она могла найти свое наиболее точное и высокое выражение и центральное место, с которого могла распространиться на другие, менее «канахронические» области жизни.

В нашей работе мы поразмышляем о том, как древним европейцам, к которым относятся также и праславяне, открыть дверь в «великий жанр» литературной истории, как найти им место в истории литературы. С этой целью мы вычленили внутри литературной истории особую область исследования и тематическую перспективу, которую можно назвать археология литературной коммуникации. В этих рамках миф является протолитературой, а литература – ребенком мифа. То, что мы

постарались «контекстуальным» путем впустить в «великий жанр» литературной истории, – это не был конкретный автор и его текст, это безличная структура (трифункциональная индоевропейская идеология), опознаваемая по фрагментам древних историй, ставших материалом при создании средневековых эпосов, легенд и хроник.